

6. Существует ли для вас такое понятие, как славянское сообщество/ сообщество бывших советских народов?

Ольга Абрамова

В основном, когда говорят о славянстве, из соображений приличия говорят о культуре, а подразумевают фактор крови. Фактор крови – не то, что стоило бы класть в основу рассмотрения, потому что с одной стороны русские, белорусы, даже сербы, а с другой – чехи, поляки, и всё это славяне. Двигаемся сегодня мы разными совершенно путями, самобытными, автономными во многих отношениях. Поэтому славянство я не принимаю, я считаю, что это политический конструкт. Может быть, даже не политический, а идеологический. Если бы стали рассматривать конфессиональный фактор внутри теории славянства, то это могло бы лежать в основу поиска сродства неких глубинных ценностей. Если в стране есть многовековая доминирующая конфессия, то она не может не накладывать по системе ценностей отпечаток на состояние массового сознания. То есть, допустим, вертикаль власти проистекает не только из предыдущих традиций политического устройства, но и из того, как к этому относилась доминирующая в стране религия. Это влияет.

А вот содружество народов бывшего СССР есть, за исключением стран Балтии – они всегда были чем-то инородным, поскольку иная культура, иная история, иной способ вхождения в страну. А в общем и целом ментальность, конечно, во многих отношениях похожа. По крайней мере, мы понимаем друг друга. Почему очень хорошо и легко было бы вести белорусским бизнесме-

нам дела с израильскими партнерами? Потому что очень много выходцев из бывшего Советского Союза. У них не только нет языкового барьера, но и нет расхождений в понимании одного и того же. Не будет так, что если я говорю «стрижено», меня понимают как «брито». Меня понимают именно так, как я хочу быть понятой. И точно так я воспринимаю собеседника.

Светлана Алексиевич

Что касается народов СССР – это выдуманное сообщество. Мне приходится ездить сейчас в разные постсоветские страны – Грузию, Туркмению, и я вижу: советский человек еще живет, но всё-таки народы уходят от этого сознания к своим корням.

А вот славянское единство – корневое, за ним будущее. Мне не близки идеи панславизма. Но то, что за славянской общностью будущее, для меня даже не вопрос. Ведь весь мир объединяется по каким-то принципам. Приедете на Скандинавский полуостров: Швеция, Финляндия, Норвегия – разные страны, они чувствуют себя как разные, но есть что-то общее для них. То же самое вы почувствуете, если проедете по Японии и Китаю.

Сейчас мы воюем с прошлым, вспоминаем какие-то обиды. Но, по-моему, это время уже уходит. Современный белорусский интеллектуал, мне кажется, даже не должен уже говорить о какой-то вражде с Россией.

Евгений Бабосов

Историческая общность «советский народ» не состоялась. Есть славянское сообщество. «Славянский базар» в Витебске, недавний Конгресс славянских народов у нас – это то, что существует. Есть славянское сообщество, только надо сделать так, чтобы восточные славяне не отрывались далеко от западных – от тех же поляков, чехов, словенцев.

Я думаю, надо шире смотреть: славяне есть и в Болгарии, и в Чехии, и в Словакии, и в Словении. Надо расширять! Кстати, во время войны было

такое объединение. После войны оно как-то потускнело, а вообще-то неплохо было бы возродить. Это понятие существует.

Анжелика Борыс

Мне больше нравится европейское сообщество.

Генадзь Буравкин

Есть такое понятие и чувство славянского единства. Как, простите, можно быть по-деревенски в очень хороших отношениях с соседями, но если нормальная семья, то ближе всего – твои родственники. Есть славянское единство. Другое дело, что не нужно политизировать эти ниточки, связывающие славян, наши отношения. Политизировать их, тем более спекулировать на них – я категорически против.

Будем говорить прямо: нам же легче понять словака и словенца, чем финна, немца. На протяжении долгих лет мы дальше друг от друга уходили, ближе подходили, но единство некое было. Я категорически против того, чтобы славянское поле выборочно помечать. Потому что славяне – это не только русские, белорусы и украинцы. Это и поляки, и чехи, и словаики, и словенцы, и сербы, и хорваты. Для меня славянский мир – весь этот ареал. И когда выбирают из него какую-то часть и только ей присваивают право говорить от имени славян – это неправильно. Когда не учитываются интересы всех, это уже несправедливо. И наоборот, если речь идёт будто бы о единстве славян, а мы чуть ли не как врагов воспринимаем наших соседей-славян – ну куда же это годится? Но единство такое, бесспорно, есть, и пусть оно будет. Так как я за разнообразие мира и против казарменности. В мире должно быть разнообразие: есть славянский мир, есть франкоязычный мир, есть англоязычный мир, есть африканские регионы. Поэтому пускай это всё остаётся. Другое дело, чтобы это различие не было враждебным. Чтобы это была не вражда, а мирное соперничество. Давайте будем бороться за то, чтобы мы дали как можно больше хорошего миру. И если больше всего хорошего дадут славяне – ну что же, поаплодируем

славянам. Если больше дадут африканцы – поаплодируем африканцам. Больше дадут китайцы – поаплодируем китайцам.

Так что считаю, что славянское единство есть. А вот насчёт народов СССР ситуация более сложная. В Советский Союз входили очень разные субъекты – начиная от стран и территорий республик, где едва ешё отошли от феодализма, и до стран, которые в цивилизационном смысле были уже либо близко, либо в самой Европе (имею в виду балтийские страны). И поэтому всё это было соединено довольно искусственно. А если не искусственно, то под большим на- жимом. Поэтому Советский Союз и распался, а совсем не потому, что там какие-то планы... Да, планы были, бесспорно, было противостояние, противодействие двух великих государств, претендовавших на то, чтобы править миром. Это было, это реальность. Но не их шпионская деятельность развалила Советский Союз, он сам развалился, как в чём-то безосновательная, недостаточно про- думанная семья. 70 лет для многих, 50 лет практически для всех стран, которые были в Советском Союзе, – довольно значительный период времени. То, что за это время наладились связи экономические, я уже не говорю о политических и культурных (особенно культурных), – это факт. И мне, например, очень жаль, что сегодня я не могу так постоянно и так хорошо следить за развитием литературы в Грузии, Армении, Средней Азии, как я это мог делать во времена Советского Союза. Конечно, сегодня я меньше знаю о литературе Литвы, Латвии, Эстонии и даже России и Украины, чем тогда. Так что я хотел бы, чтобы эти связи не разрывались. Они могут меняться количественно, даже качественно. Но того, что они иногда просто оборвались, просто обрублены, мне жаль. Поэтому какая-то общность культурная, во всяком случае желание её не потерять, ещё остаётся. И мои встречи последнего времени с людьми из Молдовы, из Прибалтики, из Грузии, из Азербайджана (я уже не говорю про Украину и Россию) под- тверждают: нам не хватает знания друг друга. А в культуре, в литературе знание друг друга – это в каком-то смысле учёба друг у друга, это выход на уровень, который должен быть, ведь мы же ориентируемся на лучшие образцы. Поэтому я за то, чтобы тот опыт связей, которые были в своё время (прежде всего культурных, об экономике мне труднее говорить, ведь я не экономист, но, вероятно, и там то же), там, где эти связи были эффективны, где они работают на прогресс

и демократию, они должны быть. И не нужно от них отмахиваться. Если кое-что можно оживить и развить, я за это.

Алесь Бяляцкий

Славянская общность, безусловно, существует. В каком плане? Опять же, в ментальном. То, что касается национальной идентичности, в большой мере (возможно, на 80%) у славян одинаково. Может быть, я сказал не совсем «белорусское», но в этом я уже многократно убеждался. 80% всех «ужимок», всех поступков, схем поведения, поведения групп народов в различных ситуациях: и в армии, и когда они на гулянках, и когда они работают, и когда они отдыхают – они идентичны. И этим весьма отличаются, например, от немцев или французов, от других неславянских групп. Это действительно так. Меня очень забавляет и веселит, когда приезжаешь, например, в Хорватию, за полторы-две тысячи километров от Минска, и попадаешь в компанию парней, которые пьют вино, или работают, или ещё что-то делают, и ты чувствуешь, насколько всё это похоже на то, что происходит здесь, в Беларуси.

Мы, славянские народы, на сегодняшний день не настолько ещё разбежались, чтобы говорить, что мы абсолютно что-то другое. Можно, конечно, говорить, но только на уровне идентичности, определения привычек, поведения, манеры мышления, манеры труда, культуры поведения и т. д. Мы ещё настолько близки, что это требует дополнительного изучения. У меня лично это вызывает восторг, потому что я чувствую себя фактически как дома – от Адриатики до Японского моря.

В этом плане русские не исключение. Насколько в плане политическом, стратегическом нам надо на сегодняшний день от них как можно дальше отойти, настолько в плане человеческом, в плане построения человеческих контактов, культурного взаимопроникновения, может быть, экономики и т. д. мы можем найти общий язык. Может быть – опять-таки мысль странная для меня как для человека, который столько лет работал уже в белорусской культуре, – мы даже сами не представляем, насколько мы близки к тем же русским или украинцам. Правда, говорят, что человек и к шимпанзе близок: на 95% гены

совпадают, только 5% генов отделяют человека от шимпанзе. (Смеётся.) Так я думаю, что славянские народы, возможно, только сотая доля этого процента, а то и тысячная отделяет.

Это очень заметно, если сравнить немца и вообще германские народы. Эта педантичность, точность – то, что очень развито у шведов, норвежцев, немцев – фактически у всех германских народов. И насколько славяне не любят этого! Но самое интересное, что германские влияния (а может быть, субстраты, которые были перед созданием более сильных этносов) очень сильно чувствуются у нас и у поляков. Из всех славян мы и поляки более дисциплинированные. Я думаю, что тут был всё же какой-то германский субстрат. Не вхождение ли определённых племён – если это касается Беларуси. Что касается Польши, скорее всего, субстрат, перед тем как там славяне наложились, был всё-таки германский. Мы наиболее близки к немцам среди всех славян. А если сравнить хорватов и русских – вот это две ноги одного тела! Они настолько близки этим своим «разгвоздяйством»!.. У нас просто иногда челюсти отваливаются, когда мы общаемся с ними. Тем не менее такого «добра» хватает и у нас. Но не только это. Можно назвать какие-то общие черты, которые характеризуют всех славян, но этим нужно заниматься достаточно серьёзно.

Насчёт общности народов бывшего СССР. Я достаточно комфортно чувствую себя в Киргизии, Азербайджане, где довольно часто бывал в последние годы (буквально каждый год). У нас действительно есть общие черты, которые позволяют поддерживать нормальный психологический контакт. Мы можем смеяться над ними, поносить, но это было и от него никуда не денешься. На сегодняшний день я гораздо комфортнее чувствую себя где-нибудь в Киргизии, чем на Западе, в любой из западных стран. Потому что они воспитаны, «отштампованы» по таким же меркам, как в своё время наше поколение советских детей. «Лекало» это ложилось, несмотря на народы, по всему Советскому Союзу. И эта общность будет ещё некоторое время. По крайней мере это касается людей, воспитанных в Советском Союзе. Уже наши дети, возможно, не будут понимать друг друга. Скорее всего, что так! По крайней мере наши дети и азербайджанские будут понимать друг друга, как швед, немец и ещё кто-нибудь. Что касается нашего

поколения, то я себя там очень хорошо чувствую в плане понимания меня, во многих других вещах.

Александр Вайтович

Существование славянских народов, народов с одними корнями по происхождению, которые пользуются славянскими языками, – это исторический факт. Для них являются характерными многие одинаковые элементы культуры, одинаковые традиции.

Насчёт общности бывших советских народов. Прошло не так много времени с момента, когда они были в одном государстве, и такая общность во многих аспектах ещё существует и проявляется.

Андрей Вардамацкий

Можно отметить два уровня существования славянского единства. Говорить о единстве на уровне народных менталитетов уже не приходится. Единство – это большая степень соединения, большая степень подобия, сходства и очень большая степень взаимодействия. Сейчас этой большой степени фактически нет. Поэтому можно говорить о схожести национальных характеров, культур, ментальностей славянских народов. Это относительно первого уровня – масовой, национальной психологии.

Что касается политической ситуации, политического уровня, то здесь есть два вектора: с одной стороны, подчеркнутое размежевание, которое имеет свои функциональные, прагматические резоны, и с другой – паблик-рилейшеновая демонстрация этого единства, которое на самом деле имеет другие, вполне прагматические основания.

То же самое насчет постсоветского пространства. Да, конечно, сходство есть. И здесь речь идет не только о пожилых людях, но и о людях среднего возраста, начиная с 30 лет. Сходство есть: мы все родом из Советского Союза. Но есть и очевидные центробежные силы, которые имеют ряд оснований.

Винцук Вячорка

Это различные вещи; не совсем понимаю, почему они написаны через «/».

Для меня как для гуманитария языковая близость славян – явление естественное, по-своему ценное, поскольку даёт плодотворную почву для культурных сравнений и взаимообогащения. Ясное дело, имею в виду всех славян, а не только тех «русских», на которых претендует имперская доктрина. Ментальной политической славянской общности нет.

Сточки зрения «национального строительства», однако, более существенна типологическая близость тех народов Центрально-Восточной Европы, которые переживали национально-государственное возрождение в XVIII–XX веках (последним его аккордом стало восстановление независимости Черногории), независимо от языково-этнически-конфессиональных разделов. (Впрочем, большинство славянских народов, кроме русских, в эту общность входят.) Большая часть этой общности, в XX веке входившая в контролируемое СССР тоталитарное пространство, очевидна не только для исследователей, но и для политизированных слоёв общества. Отсюда взаимные симпатии и солидарность, приязненное внимание к борьбе себе подобных за независимость и свободу; отсюда и определённая реальная почва под понятием «новая Европа», хотя никакая мы Европа не новая, а постоянная.

Что касается бывших советских республик, то тут опять же особая группа – центрально(восточно-?)европейские народы и Южный Кавказ. Это часть описанного выше сообщества. Как только обрушилась советская империя, очень быстро, если мерить историческими темпами, начали восстанавливаться давние цивилизационные разделы. Следующее поколение уже не будет чувствовать себя частью *mundus soveticus*.

Павел Данейко

За этим стоят какие-то реальности. Понятно, что мы можем сесть выпить водки с поляками, выпить водки с russkimi – и, в общем, не сможем так же выпить водки с французами. В этом есть некое славянское ощущение. Но славяне

тоже разные, у нас есть какие-то разделительные границы, потому что разные ценностные выборы были сделаны в разных странах, разных регионах.

Насчет единства советских народов мне говорить сложно. Когда мы ведем речь о единстве двух народов, мы должны оперировать какими-то традиционными подходами, общей историей. А история – это Грюнвальд, Орша, т. е. события, которые объединяли или разъединяли эти народы. Так, Радзивиллы, узнав про Чернобыль, сказали: «А у Сапег всегда бардак был».

Чувство истории плюс эстетика близкая – да, славяне имеют много общего. А вот советские народы... При чем, например, к нам туркменская ментальность, хотя они и умеют говорить по-русски? Там другие люди, другая ментальность, другие правила, другая структура отношений. Все-таки в моем понимании близость обозначает не только язык, но общие ценностные структуры. У славян есть такие пересекающиеся ценности – у одних в большей мере, у других в меньшей. Но они есть! Начиная от некой общности языка, языковых архетипов.

Андрей Дынько

Следов славянского единства я не замечаю. Очевидно, есть соседская солидарность балканских народов между собой. Чувство солидарности, вызванное единством исторических судеб и нынешними общими экономическими интересами, есть у стран Вышеградской группы – новых членов Евросоюза. Чувство определённой солидарности есть у здешних стран-соседей. Но мы очень часто наблюдаем, как белорусы проявляют солидарность с литовцами, а чехи – с венграми или поляки – с балтийскими народами.

Что касается идей панславизма, которые пытались акцентировать определённые круги в Российской империи, то они имели очень конкретную задачу и направленность. Как сказал один чешский мыслитель в середине XIX века, русские любят всё русское называть славянским, чтобы потом иметь возможность назвать всё славянское русским.

В некотором смысле то же самое происходит на территории бывшего Советского Союза. С одной стороны, сегодня нет ничего, что объединяло бы между собой Эстонию и Туркменистан. Трудно представить две страны более

противоположные. Однако трудно даже найти общие черты, объединяющие такие близкие в географическом смысле страны, как Беларусь и Молдова, – это страны с совершенно различными векторами развития. Безусловно, попытки использовать советскую идентичность, советскую культуру или экономические связи между этими странами есть, и они находят очевидную поддержку со стороны современной российской политической элиты. Была такая песня Газманова: «Сделан я в Советском Союзе, родом я из СССР», – которой была сделана огромная реклама. А Газманов – своего рода придворный певец мэра Москвы Юрия Лужкова. Но говорить об этой общности как о чём-то гомогенном и когерентном не приходится. И, по-моему, не в национальных интересах Беларуси, чтобы эта общность возрождалась.

Светлана Калинкина

Сложно сказать. Однозначного ответа на этот вопрос у меня нет. В каких-нибудь политических инициативах политики всегда апеллируют к каким-то объединениям людей. Им может быть и славянская общность, как мы наблюдали недавно, когда в Беларусь был Славянский собор. Конечно, мы славяне. Славянство... Если этому будет уделяться пропагандой очень много внимания, то это может стать весьма популярной идеей в обществе.

Исторически можно говорить, конечно, и о советской общности: мы все родом из Советского Союза. Поэтому какими бы разными ни были культурные истоки, например, Туркмении и Беларуси, многое всё же благодаря Советскому Союзу нас объединяет.

Мне кажется, и первое и второе существуют. Но насколько это будет определяющим для стран, для людей, это зависит от того, как будут развиваться политические события и кто будет возглавлять страну. Все постсоветские страны, кроме, может быть, Прибалтики, оказались между цивилизациями – западной и восточной. Поэтому очень важно, кто будет во главе страны, – те сообщества и будут интенсивнее развиваться.

Недооценивать такие «патриотические» (назовём их так) настроения я бы не стала. Они очень сильны. Кто их ворошит, с какими целями и т. д. – от этого

многое зависит. И должно смениться ещё много поколений, чтобы это как-то нивелировалось.

Сергей Калякин

Были такие сообщества, но сейчас они вообще разрушены. Такие сообщества, по мере того, как они создаются и существуют, обрастают общими чертами и т. д. Но как только они распадаются, начинается распад и этих общих черт.

Так, недавно европейцы, когда исследовали, есть ли такая общность – «европейцы», пришли к выводу, что нет, хотя всё уже идет к созданию одного государства. Всё-таки существует очень высокая степень самобытности у голландцев, французов, немцев... Точно так и здесь: когда мы были в Советском Союзе, можно было говорить об общности «советский народ». И это в определенные исторические периоды проявлялось, можно привести примеры. Но вместе с тем существовала и самобытность: к примеру, грузины, белорусы, украинцы и чукчи всегда имели отличия. И сегодня в независимом государстве мы все больше приобретаем черты белорусов, приобретаем самобытность.

Насчет славянской общности... Я бы сказал, общие корни существуют, бесспорно. Но есть один простой момент: с каждой из сторон идет небольшая подтасовка. Весь вопрос в том, насколько мы будем углубляться в историю. Чем дальше мы будем углубляться в историю, тем скорее мы придем к выводу, что все мы имеем одни и те же корни. А если мы уйдем на 100–200 лет назад, то можем говорить, что у нас большая общность с поляками. Уйдем на 300 лет назад – будем говорить, что мы жили в Великом княжестве Литовском, где государственным был старобелорусский язык. Всё это есть, и не надо с ним спорить. Но не следует противопоставлять одно другому! И не нужно делать из этого инструмент политической борьбы. Этим могут заниматься ученые. Но противопоставлять то, славяне ли мы, литвины ли, европейцы ли, – из области политики, а не самоопределения нации. Мы белорусы! Мы сделали такой выбор.

Никто не знает, что будет с белорусами через 500 лет. Или что будет с немцами через 500 лет. Мы же помним, что были великие процветавшие государства, которые управляли миром, – и сегодня их нет, и народов нет. Поэтому, на мой

взгляд, это малоперспективно в текущем моменте и даже вредно, потому что оно может работать на создание блоков противостояния, а не на то, чтобы объединять людей. Нам необходимо консолидировать нацию! Поэтому не нужно искать разности – надо искать общие черты, чтобы сплачивать нацию. Кстати, за последние годы нынешнее политическое руководство очень сильно пытается разделить и уже разделило людей: нас разделили на «беларускамоўных» и русскоговорящих, старых и молодых, богатых, преуспевающих и тех, кто этого не имеет, сельских жителей и городских, сторонников президента и его противников... Это вредит обществу. Это ненормально! И процветающее государство, и процветающая нация не имеют такого раскола: у них есть политическая конкуренция, но у них нет раскола. У них эти споры если и возникают, то скорее на научном поприще.

Кася Камоцкая

Самое удивительное, что славянская общность существует! Я чувствую это в других странах. Славяне отличаются от других каким-то своим... «раздолбайством», что ли... Вот поедешь в Чехию – вроде бы такая культурная страна! А потом приезжаешь в Германию – и видишь, что-то не то уже. Думаешь: что-то чехи «раздолбаи» какие-то.

И есть также некая историческая память у народов бывшего Советского Союза. Может быть, у старшего поколения есть и в Прибалтике, а у молодого и в других странах. Я не беру совсем мусульманские страны, так как не знаю, что там творится. Я, например, выступала в Кембридже, и ясно, что там белорусов крайне мало. А пришли казахи, украинцы – те, для кого это интересно. Англичан не было, разве что два-три. А пришли именно студенты из бывшего Советского Союза.

Сергей Костян

Народы бывшего СССР благодарят славян за то, что они сохранили их ценности – их язык, и веру, и традиции. Ни одна из мусульманских республик,

входивших в состав Советского Союза, не стала православной. И ни одна из прибалтийских республик, входивших в состав Советского Союза, тоже не стала православной. И это говорит о том, что под крышей славян могут развиваться и спокойно жить все народы, уважающие славянскую цивилизацию, славянскую культуру, обычай, традиции, историю.

Существует ли славянское братство? Существует! Другое дело, что за последние годы славяне так поверили в интернационализм, что не заметили, когда им запретили самостоятельно избирать руководителей. И сегодня для большинства славянских стран решают в Брюсселе и Вашингтоне, кому быть руководителем того или иного славянского государства. И если руководители каких-то славянских государств не высказываются за славянское единство и братство, это совсем не означает, что такого братства не существует. Оно существует между славянскими народами. Независимо от того, хотят руководители или не хотят. Что бы ни кричали современные руководители Польши против Беларуси, а простые граждане Польши поддерживают Беларусь и не поддерживают свое руководство в этом направлении. Так же в Чехии, или Словакии, или Болгарии – любом славянском государстве. И не только поддерживают на словах, но и делают всё, чтобы сотрудничать с нами экономически.

Вячеслав Кебич

Славянское сообщество я бы особенно не выделял. Я, конечно, мало помню войну, но когда Советская армия воевала с Германией, очень даже интересно наблюдать по фильмам: когда два русских лица (с точки зрения зрителей), а дальше все с раскосыми глазами идут в бой, а командир кричит «Вперед, славяне!». Россия сегодня вообще не имеет права называть себя славянским государством: там далеко от славянства. С исторической точки зрения можно отличать славянские нации от неславянских. Но с точки зрения сложившейся сегодня исторической общности людей я бы не позволил себе ставить этот вопрос на первое место.

А вот сообщество народов бывшего СССР существует, до сих пор имеет большое значение. Знаете, как бы Саакашвили ни вел себя в Грузии, а все-

таки в основной массе грузинский народ мечтает о дружбе между грузинами и другими республиками. Пока что существуют хорошие воспоминания от былого содружества, и это имеет сегодня серьёзное значение. Пока политики не вбивают в голову (особенно национальные политики), что «мы самые-самые»: самые великие, и вообще равных нам нет!..

Анатолий Лебедько

На политическом уровне, безусловно, единство бывших советских народов присутствует. И это есть инструмент политики. Но и на бытовом уровне есть такое понятие, как «совок». Оно, к сожалению, консервируется в значительной степени в Беларуси. И модель правления Лукашенко как раз направлена на этот «совок» и на поддержку его. Модель правления Лукашенко очень проста: есть его резиденция – и есть почти десять миллионов граждан, стоящих в огромной очереди к этой резиденции. И все они стоят с протянутой рукой, выходит царь – и что-то им даёт. Это менталитет «совка»: кто-то должен за него что-то сделать, а от него не требуется использовать свои внутренние ресурсы, чтобы он развивался сверх того, что позволено государством. Это – часть политики, проводимой белорусскими властями, она направлена на возвращение назад, в формат Советского Союза. Раньше это использовалось более активно, сегодня – менее. Но оно есть, и часть населения являются носителями данной идеологии. Мы можем вести дискуссию, каков процент таких людей.

Это вопрос времени: время не работает на «совка» – объективно. А то, что есть «ностальжи» по советскому единству у старших поколений, я думаю, это ещё и проблема переходного этапа. Это всё вопросы очень болезненные. Проблем много, и не все люди могут осознать в себе внутренний потенциал и использовать его. Если тебя 30–40 лет приучают к одному поведению, создавая определённые стереотипы, то трудно ожидать, чтобы люди с возрастом легко привыкали к новой ситуации, даже если наступили бы большие возможности. В Литве я недавно беседовал с Кубилиусом, одним из лидеров консерваторов. Они провели опрос: у них тоже около 50% людей прямо или косвенно говорят о ностальгии по прошлому. Хотя Литва в Европейском Союзе и успех там оче-

виден, но это есть! Сохраняется. Я думаю, этот вопрос станет менее актуален с течением времени, когда будет подрастать новое поколение.

Что касается «славянства», то мне кажется, что это менее актуально на сегодняшний день для Беларуси. Хотя есть небольшая группа людей. Политически не прижилась ни одна такая структура – ни Славянский собор, ни другие. Они отмерли. Почему? Потому что если есть спрос, то всегда и люди появляются и мобилизуются, и идея имеет какой-то фундамент, её можно потом реализовать.

Здесь нет какой-то консолидированной позиции, которая есть среди исламского мира. Славяне есть в Европейском Союзе, и на части бывшего советского пространства. Нет такого консолидированного подхода, имеющегося у исламского мира. Там совсем иная ситуация.

Василий Леонов

Есть или был суперэтнос «славянство»? Почему именно был? Да потому что мы, ведя речь о славянстве в обыденном употреблении, не вспоминаем поляков, чехов, другие нации. Славянский суперэтнос распался по конфессиональному признаку: католики и православные. Если вести речь о восточнославянском сообществе – Россия, Беларусь, Украина, – то и здесь есть вопросы, они очень сложны, и в рамках ответа на один из вопросов трудно вести речь. Мы не просто близкие народы (мы: русские, украинцы и белорусы), мы очень близкие. Но эта близость, родственность создала в прошлом и создает в настоящее время немало проблем. Это отдельная большая тема...

Что касается сообщества бывших советских республик, то лучше президента России В. В. Путина не скажешь: «СНГ – это организация по цивилизованному разводу».

Олег Манаев

Известные российские деятели и их последователи в Беларуси и Украине (а таких немало) любят подчеркивать славянскую общность в этническом

и геополитическом смысле: у нас, мол, была общая история, общее государство, мы вместе сражались с татарами, тевтонами и т. д. Точно так же некоторые наши деятели пытаются сегодня укреплять белорусскую идентичность на основе «золотого времени ВКЛ». На мой взгляд, сегодня такое понимание славянского сообщества, славянского единства, также как и белорусской идентичности, уже неадекватно времени – этого попросту больше не существует.

Но в другом аспекте – культурно-психологическом, отчасти религиозном, думаю, что славянское сообщество (но не единство!) как чувство близости существует. Как, например, китайский турист, встречая корейца или вьетнамца где-нибудь в джунглях Африки или на Манхэттене, вероятно, чувствует с ним большую культурно-психологическую близость, чем с окружающими. В этом смысле, я думаю, можно говорить о культурно-психологической близости славян и о более тесных связях между ними, чем между славянами и, например, французами, бразильцами, японцами и т. д.

Что же касается сообщества бывших советских народов, то это попросту блеф. Знаменитая формула, предложенная едва ли не в сталинские времена – о формировании новой исторической общности под названием «советский народ», как раз была таким блефом. Между некоторыми родственными нациями и народностями (которых в Советском Союзе насчитывалось больше ста) были особые культурно-психологические связи. Например, между славянскими, балтийскими, кавказскими, среднеазиатскими народами. Но так называемое «единство советского народа» держалось в основном на насилии и лживой пропаганде. Если мы возьмем среднестатистического эстонца и среднестатистического туркмена, то социально-культурная общность у них была на минимальном уровне. Безусловно, были некие общие черты у 300 миллионов людей, живших в Советском Союзе и называемых советским народом. Но эти черты были связаны не с национальными особенностями, а с особенностями советской социально-политической системы. Например, пониженная инициативность и ответственность по сравнению со среднестатистическим западноевропейцем или японцем, зато повышенное чувство страха и стремление к халаве и др. Как только система развалилась, стали исчезать и эти общие черты. Поэтому

современные попытки восстановить «единство» туркмен и эстонцев, грузин и якутов, других народов бывшего СССР – абсолютно бесперспективны.

Александр Милинкевич

Этими понятиями давно спекулируют различные ортодоксальные политики. Вроде того, что «славяне – это только те, кто православные» или «славяне – это только те, что признают Москву центром собирательства земель» и т. д. Это такие славяне, которые считают, что белорусов как нации не существует.

Анатолий Михайлов

Было бы наивно отрицать наличие исторически сложившихся особенностей того, что можно условно обозначить как славянское сообщество. Специфика исторического развития, близость языков, общность культурных традиций... На территории бывшего СССР оно оказалось к тому же усугубленным интенсивным взаимодействием на территории, не имеющей государственных границ.

Алесь Михалевич

Насчёт славянской общности я всегда привожу пример – то, что сам услышал от russkikh, приехавших в Чехию, в Прагу. Они сказали такую фразу, что чехи только говорят по-славянски, а на самом деле они немцы! Славянская общность для меня – как что-то ценностное. Если посмотреть, кто представляет Россию на международных форумах, какие люди руководят Россией, то нет уверенности, что хотя бы половина из них являются славянами по происхождению. Поэтому Россию рассматривать как часть славянского мира вообще трудно.

Плюс ко всему: исторически моя мать была очень сильно связана с Литвой, Вильнюсом. И я никогда не понимал, почему какие-то славяне из далёких российских регионов к нам чем-то ближе, чем, например, балты – литовцы, живущие тут, рядом, в 100 километрах от нас.

Народы бывшего СССР имеют общий опыт. Они имеют то преимущество над странами, не бывшими в социалистическом лагере, не бывшими в СССР, что они понимают, как работает диктатура. У них есть общий язык коммуникации, и я, например, абсолютно не стыжусь проводить совместные конференции между Беларусью и Азербайджаном на русском языке как рабочем. Если мы хорошо знаем этот язык, то к чему стыдиться на нём говорить между собой? Это средство коммуникации. Но это всё, что нам осталось от Советского Союза. И с каждым годом даже эти объединяющие моменты (знание русского языка) будут уходить.

Татьяна Протько

Понятие славянской общности есть. Оно возникло довольно давно, ещё до советского государства. Оно основывается на религиозности, на православии (именно русском православии, поскольку православных церквей больше), а главное – на коллективизме, на том образе жизни, который господствовал в дореволюционной России у большей части населения – крестьянства, и его взглядах на жизнь.

Западные славяне – совсем иное славянство, чем российское; оно принадлежит к европейской цивилизации. Урбанистические процессы значительно изменили снаружи и изнутри и российское славянство. И сейчас, как мне кажется, славянство – это больше идеология, в которой признаётся иная, чем в Западной Европе, система ценностей. Свобода, демократия, права человека – основные, фундаментальные столпы западноевропейской цивилизации. А вот у славянской цивилизации совсем иной подход: государство, экономика, подчинённость руководству.

Западноевропейский подход либеральный: человек в центре – и всё остальное вокруг него, в том числе и государство. Человек сам за себя отвечает и всё решает сам. А в славянской цивилизации наоборот: государство в центре, а человек – для него. Кроме того, тут значительную роль играет коллективизм. Политические свободы, связанные с демократией, – второстепенные понятия.

Общность советских народов существует, пока живут люди, жившие в СССР. Пока они не умрут, эта общность будет присутствовать. Почти 100 лет целые поколения росли под определённым мировоззрением. Но поклонников у него всё меньше и меньше.

Однако я бы не сказала, что советская общность уже отжила. Воспитанное за долгое время в людях чувство, что за тебя всё решает государство, к сожалению, очень популярно и характерно для Беларуси – больше всего по сравнению с другими странами бывшего СССР. Хочется, чтобы за тебя думал очередной Сталин, а не ты сам отвечал за свою судьбу. А европейская система ценностей требует от человека именно отвечать за себя, в первую очередь создавать своё счастье самому, а не ждать, что государство тебе что-то даст или общество тебе обязано дать какое-то счастье...

Андрей Санников

Славянская общность – это политический термин, политическое явление. Почему-то славянская общность в понимании бывших советских республик, тех, кто настаивает на этом, не включает в себя ни Польшу, ни Болгарию, ни Чехию, ни Словакию... Славянская общность – это «Мы строим Советский Союз». Сербов некоторое время «признавали», пока был Милошевич. Не признают славянами политические вожди, поддерживающие идею славянской общности, ни Польшу, ни Чехию, ни Словакию. Однако когда Республиканская партия в Чехии устроила Славянский конгресс, реакционный, направленный против демократических принципов, то сразу же их признали славянами, делегации из Москвы, из Минска ехали...

Славянское сообщество существует, есть определённые культурные традиции. Но то, что сегодня политики называют славянской общностью, – типичный политический фантом, который озвучивается ради пользы политических лидеров, прежде всего в России, Беларуси, Украине.

А связи народов, которые были под Советами, я считаю, есть и будут оставаться. К сожалению, появляются искусственные вещи, препятствующие отношениям. И, к сожалению, разрушилась та созидательная среда, которую

мы видели, например, в период перестройки. Мне не хватает серьёзной интеллектуальной поддержки из России. Тех людей, на примере которых мы учились достоинству и свободе. Мы были вместе, вместе разрушали империю и поддерживали друг друга.

Я не так давно был на пятнадцатой годовщине событий в Риге, их баррикад. Там тоже об этом говорили – что, к сожалению, потерялись связи. Потому что если бы не было поддержки этих людей, интеллектуальных лидеров, диссидентов, правозащитников из России, приезжавших из Петербурга как депутаты Ленсовета, то никто не знает, чем могло бы закончиться. Я думаю, что это не вернётся, но теоретически можно пожалеть. Потому что теперь мы такого вообще не видим. Что-то могут сказать о нашей ситуации и трезво осознать, что тут происходит, единицы.

Владимир Улахович

Инерция существования, как бы в распавшемся СССР, разумеется, существует и многое объясняет в современной жизни.

Валерий Фролов

Я думаю, есть ощущение славянскости – всё-таки оно культивируется.

Есть сообщество народов бывшего СССР. Даже если по нашей Беларуси судить: сколько здесь всяких наций живет?

Но другое дело, когда идею начинают культивировать, когда ее используют политики – это отхождение от сути и превращается в инструмент для политических игр. Вот что страшно!

Общность есть, она нас сплочивает. Трудно в одночасье, за 15 лет, ее разрушить. Но когда это превращается в инструменты для политического подъема, для зарабатывания денег (я знаю, что многие зарабатывают деньги на этом), для продвижения себя – это гнусно.

Я часто бываю на Украине, в России, в Прибалтике и чувствую: что-то такое осталось. Я не хочу преувеличивать тех положительных черт, которые были

при Советском Союзе, при социализме, но всё-таки в то время было очень много хорошего, очень много. А мы, как всегда, шарахаемся – или к белым, или к красным. То Ленина богохватали: «кудрявый мальчик», – то сейчас называют извергом. Жизнь не такая простая, она не черно-белая, а очень разноцветная.

Безусловно, надо сказать большое спасибо Лукашенко, что у нас зарождается ощущение своей страны, своей республики. Да, действительно, это никак не связано с национальными качествами, всё чисто формально, казенно. Но тем не менее... Я отношусь к тем людям, которые долго прожили в Советском Союзе. Я вижу, что растет другое поколение. Очень хорошо, мне кажется, по этому поводу Черномырдин сказал, выступая в Киеве, когда уже был не премьером, а послом: «Некоторые в России думают, что мы старший брат. Да не старший мы и никакой не брат – мы уже другие. Нужно понимать, что выросло новое поколение, которое смотрит на эти вещи совершенно по-другому». Думаю, пройдет какое-то время – и мы всё больше и больше будем ощущать себя независимой, суверенной республикой со своим специфическим менталитетом, со своими традициями. Но если мы, живя на одной планете, на одном континенте, будем руководствоваться принципами, которые позволили бы мирно сосуществовать, развиваться – вот это будет здорово! Чтобы каждый сохранял свою национальную особенность и что-то свое вносил в разноцветную мозаику! И чтобы на эту мозаику было приятно смотреть, и чтобы это была не какая-то мозаика из фашистского знака...

Станислав Шушкевич

Что касается славянской общности, у меня такое впечатление, что кроме простого взаимопонимания необразованных людей (которые не знают языков, так как не изучали), тут никакой общности нет. Я вижу тут не общность, а противоречивость. Одни славяне – это русские, белорусы, украинцы, другие славяне – поляки, чехи, словаки. Сербы как бы немного похожи на русских.

Очевидно, что всё это результат общего происхождения, – я не историк, не могу сказать.

Я чувствую себя хорошо в том месте, где могу с человеком обмениваться мыслями, где я понимаю его язык. В этом смысле для меня существует славянская общность. Приехав в советское время к профессору в Любляну, я вдруг ощутил, что у меня нет проблем с пониманием. Я никогда не изучал словенского языка! В Словакии (в Братиславе) было то же самое. Труднее в Чехии. А что касается Польши – тут проблем нет: польский язык я знаю, в Беларуси его выучил, жил в местах, где говорят по-польски. Для меня в этом смысле общность существует.

Но очень часто эти объединения были, я бы сказал, не совсем порядочными. Например, сербско-русское единство, породившее уничтожение мусульман. Мне не очень близка мусульманская культура, но я бываю в среде, где мне очень легко общаться с людьми иных религий. Когда дошло до геноцида и до сегодняшнего дня народ прячет виновных в этом геноциде как национальных героев, тут какой-то изъян в воспитании, это отступление от европейской скромности.

И я бы сказал так: существует славянская общность, но местами она так переродилась, что время от времени контакты с другими сообществами, например с теми же финнами и французами, мне кажутся более эффективными и более полезными для обеих сторон.

Теперь что касается советской общности... Я советский человек, знаете ли. Я очень много ездил по Союзу и когда-то говорил, что нельзя одинаковым образом руководить узбекским хлопководством и чукотским оленеводством. Но я себя неплохо чувствовал и в Душанбе, и в Тбилиси, и позже в Бишкеке – благодаря вот этой нашей совместной истории. Это навязанная история, она, очевидно, обусловлена одинаковыми социальными проблемами.

Вот я только что вернулся из Франции. Французы очень хорошо революции устраивают. Протестный дух – это дух нации, он разрешён. Их учат тому, чтобы они умели протестовать, протестовать цивилизованно. Иногда бывают срывы – даже в нынешнем студенческом протесте. Но это дух нации. Кстати, они все стали французами благодаря объединению, потому что до того разделялись на ряд народностей. Мне кажется, что если бы у нас принципы объединения были искренними, то Союз имел бы шансы быть прочным. А так принципы были лживыми, и руководство проповедовало одно, а делало

другое. Только те люди, которые остались обманутыми (в определённом смысле и я, так как мне очень долго нравились советские принципы), чувствуют ностальгию по этому сообществу.

Для меня как белоруса было оскорблением: почему это мой отец как преподаватель белорусского языка получал на 12% заработную плату меньше, чем преподаватель русского языка (как зарубежного)? Было такое время. Это унизительные принципы, навязанные колониализмом, и только через свободные средства массовой информации они становятся понятны людям...

Одно осталось, что нас объединяет, – знание русского языка. Больше я пока не добавлю ничего. Европейцы – поляки, чехи – от этого уже отошли. Да и прибалты... А мы ещё остаёмся *homo soveticus*.

Всеволод Янчевский

Насчет народов СССР. Кто-то остроумно говорил (или писал), что на территории Советского Союза существовало сразу 4 общественно-экономических формации по Марксу: феодализм в России, капитализм в Прибалтике, рабовладение в Средней Азии и первобытно-общинный строй на Чукотке. Некое есть в этом преувеличение, конечно...

Понятно, что жители Средней Азии или Закавказья на нас непохожи. Собственно, сколько времени назад Средняя Азия была включена в Российскую империю? Когда хивинского хана Скобелев покорил? По меркам истории не так-то и давно!

Но всё-таки понятие «советский человек» было (точно!), еще есть, но уже через какое-то время его не будет. Это как в физике: если вы вещи механически соединяете, они будут притираться друг к другу, хотя бы они были даже очень разными. Молекулы будут проникать. И такие же «молекулы» проникали и тут. Это делалось иногда очень жестко. Иногда – насилиственно, иногда – естественно. В общем-то, ничего уникального в этом нет: Россия Романовых, Советский Союз были классическими империями. Это такая форма самоорганизации людей – имперская: она синтезировала очень разные культуры, часто непохожие и даже противоречивые. У нее была сверхидея, сверхценность, сверхзадача.

Империя распалась – отчасти естественным, отчасти случайным образом. Например, при каком-то историческом повороте событий, наверное, вполне могли бы Беларусь, Украина, Россия, Казахстан (как писал Солженицын) сохраниться в едином государстве. Абсолютно не исключено!

Прибалтика – это нечто чужое было. Хотя всё же 200 лет пробыла в Российской империи. Галиция в Российской империи практически и не была: её включил только Сталин.

Потом СССР развалился. Его части стали расходиться. Многие из них не имеют органической нужды в соединении, и поэтому они естественно будут расходиться и дальше. Ну что у Таджикистана будет общего с Эстонией?

У меня очень странное отношение к славянскому единству. Допустим, мы говорим о России и Сербии. Классическая тема – братья и т. д. Но исторически эти страны не были связаны вообще никак! Это были две абсолютно разных истории, они не соприкасались.

Болгары, «братушки». Мы их освобождали, но две войны они воевали против нас.

Поляки – славяне... Если проанализировать, русские воевали с поляками что-то уж очень часто – я уж не знаю, с кем больше, чем с ними! Украинцы и поляки между собой очень не дружили.

Чехи. Язык очень похож на русский, но что общего в истории? Ничего.

В общем, насчет общеславянского единства очевидных фактов не очень много. Язык? Да, безусловно. А кроме языка что?